

Книги Константина Калбазова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

РЫЦАРЬ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

РЫЦАРЬ. СТЕПЬ

РЫЦАРЬ. КРОУСМАРШ

РЫЦАРЬ. ЕРЕТИК

ВЕПРЬ. СКОМОРОХ

ВЕПРЬ. ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ

ВЕПРЬ. ФЕНИКС

РУБИКОН

РУБИКОН. ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ

ПЕС. СТРАЖ

ПЕС. БОЕЦ

ФРОНТИР. ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

ФРОНТИР. ПЕРО И ВИНТОВКА

ФРОНТИР. ДОРОГА НА ДВОИХ

ФРОНТИР. ГОРОД В СТЕПИ

БУЛЬДОГ. В НАЧАЛЕ ПУТИ

БУЛЬДОГ. ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

БУЛЬДОГ. ХВАТКА

КОЛОНИЯ

КОЛОНИЯ. КЛЮЧ

КОЛОНИЯ. ДУБЛИКАТ

ОДИНОЧКА. АКВАНАВТ

ОДИНОЧКА. ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ

ОДИНОЧКА. ПАТРИОТ

НЕСГИБАЕМЫЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

НЕСГИБАЕМЫЙ

РОМАН

Москва, 2016
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1020

Художник
В. Федоров

Калбазов К. Г.
К17 Несгибаемый: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2283-8

Мир, где правит балом пар. Стимпанк? Да нет. Обычный в общем-то мир. Даже история чем-то похожа на нашу. Просто двигатели внутреннего сгорания тут отсутствуют как класс. Нашему современнику, и по совместительству автослесарю, как раз в такой мир и посчастливилось попасть. И... Ну разумеется, первое, что пришло ему на ум, это создать ДВС.

Н-да. Казалось бы, все просто. Но просто, как известно, ничего не бывает. Ведь может случиться и так, что на этом пути ему повстречаются: жадный купец со своими подручными, беглые каторжники, не брезгающие полакомиться человечинкой, хунхузы и сбрендившие от золотой лихорадки старатели. Поди разберись со всем этим. Так еще маячит неизбежная встреча с головорезами какого-то тайного клуба почитателей паровых машин. Подумаете, он о них ничего не знает? Это не имеет ровным счетом никакого значения.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Калбазов К. Г., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2283-8

ПРОЛОГ

Обычный стук в дверь может быть весьма выразительным. Он бывает робким, нервным, ровным, отчаянным, вежливым, уверенным. Да-да, все именно так и обстоит. Сами проверьте — и убедитесь в правоте этих слов. Тут ведь дело не в самом стуке, а в том, кто стучится в вашу дверь, потому что стук — это выражение эмоционального состояния человека.

Этот стук в дверь мастерской инженера Верховцева был требовательным. Так стучат лица, облеченные властью.

— Верховцев, откройте, полиция! — подтверждая его мысли, раздался голос из-за двери на одной из створок ворот.

Пусть они и были набраны из сосновых плах, тем не менее сработаны на совесть, и до ветхости им еще очень и очень далеко. Да и петли с запором весьма серьезные. Вот так с ходу и не вышибешь. Тут усилия нужны и таран. Ну в крайнем случае — кувалда. К вопросам безопасности Верховцев относился со всей обстоятельностью. Он не так уж и богат, скорее беден, потому каждая железка, а уж тем более инструмент, имеет для него особую ценность.

Ну и, разумеется, его детище. Инженер собирался, ни много ни мало, совершить прорыв в науке и механике. Его открытие должно было перевернуть все существующие представления и создать новую веху в развитии человечества. Перспективы открытия просто завораживали. И пусть его изобретение пока еще несовершенно, с множеством детских болячек, это ни о чем не говорит.

Сегодня паровые машины имеют настолько компактные размеры, что без труда помещаются в сравнительно не-

больших автомобилях. А ведь начиналось все с таких огромных и неповоротливых махин, что их более века и на кораблях-то установить не могли. Да и принцип использования был, мягко говоря, так себе. А уж о коэффициенте полезного действия и упоминать нечего.

Изобретение же Верховцева, имея куда более скромные габариты, на выходе будет гораздо эффективнее. Нет, не сейчас. Это дело далекой перспективы. Но эта перспектива есть! Первые корабельные паровые машины уступали конноводным судам, и многие отмахивались от сложных и дорогих устройств. Вот только к тому моменту конноприводные машины отживали свой век, а паровые лишь набирали силу.

Конечно, паровым машинам еще весьма далеко до предела, и век их будет долог. Но его изобретение оставит их далеко позади. Верховцев был в этом уверен. И ярким тому подтверждением служит его детище — двигатель внутреннего сгорания. Правда, он пока не нашел инвестора, готового вложиться в разработку, но не терял надежды. Точнее, инженер верил в свой успех.

А пока суд да дело, продолжал совершенствовать новое устройство. Вот он, собственноручно собранный им первый автомобиль с двигателем внутреннего сгорания. По сути, пока только рама на колесах с широким сиденьем в виде скамьи. Но он бегаёт. Причем практически не уступает своим паровым конкурентам. Ну почти не уступает, а в чем-то и превосходит. Хотя недостатков, конечно, пока хватает.

Поначалу мотор работал достаточно шумно, распугивая прохожих, собак и кошек. Но постепенно с помощью глушителя, выполненного по принципу прибора для бесшумной стрельбы, удалось значительно понизить шум. Заплатить за это пришлось небольшой потерей мощности. И все равно двигатель работал куда как громче паровой машины.

Верховцев постоянно дорабатывал свое изобретение, с каждым разом добиваясь все лучших результатов. Но, к сожалению, по надежности соперничать с паровой машиной его двигатель пока не мог. Вот и после последних испытаний автомобиль доставили в мастерскую с помощью наня-

той лошади. Но это нормально. Мать всегда рождает своего ребенка в муках. Главное, не отчаиваться, сделать надлежащие выводы и продолжать идти вперед.

Верховцев бросил взгляд на автомобиль, потом обернулся к помощнику. Молодой парень, скорее даже мальчишка, с масляными разводами на лице. Без тени испуга он смотрел на инженера, и все его лицо выражало непонимание. Полиция? Нет, если бы испытатели задавили хотя бы курицу... И потом, их памятная поездка состоялась три дня назад. Даже если и возникли какие претензии, как-то полицейские припоздали.

— Саша, давайте-ка, от греха подальше, вы выйдете через заднюю дверь, — проворачивая ключ в замке черного хода, тихо предложил инженер.

— Зачем, Павел Валентинович? — искренне удивился подросток, так же не повышая свой пока еще не сломавшийся чистый голос.

Хороший вопрос. Вот только ответа у Верховцева не было. Он знал, что чист перед законом. Понимал, что полиции нечего делать в его мастерской. Он даже в молодости не состоял ни в каких политических кружках, без остатка отдавая будущей специальности. Но этот визит его настоящему испугал.

— На всякий случай, — решительно произнес он и вытолкнул молодого человека в дверь, ведущую в сарай.

Нет, его предосторожность тут ни при чем. Он просто арендовал старый пакгауз. Все остальное тут уже имелось, и он просто пользовался помещением.

— Верховцев, немедленно откройте! — снова раздался властный стук в дверь.

— Иду, — наконец откликнулся инженер. — Ступайте домой, Саша. Завтра увидимся. Мало ли что на меня наговорили. Люди, они знаете какие? А вам со мной в участке делать нечего.

— До завтра? — с долей сомнения уточнил юноша.

— Ну конечно, до завтра, Саша. Как обычно.

Верховцев, провернув ключ в замке, направился к двери, в которую вроде как пока прекратили колотить. Но ни-

каких сомнений, если он в скором времени не откроет ее, то все повторится. И вообще, чем дольше простоят стражи порядка снаружи, тем более раздражительными войдут внутрь.

— Почему так долго не открывали? — строго произнес ступивший в ярко освещенную мастерскую околоточный.

Вслед за ним в помещение прошли двое городских. Не сказать, что Верховцев так уж задавался вопросом, кто является их околоточным. Но несколько раз он все же наблюдал полицейского со стороны. Правда, не знал его имени. Впрочем, это ведь поправимо.

— Простите, а с кем имею честь? — спросил он.

— Околоточный надзиратель Ляпов Игнатий Семенович.

— Ясно. Чем обязан?

— Вы здесь один? — не ответив, поинтересовался околоточный.

— Да.

— А ваш помощник? Мальчишка у вас тут вертелся.

— Я не знаю, где он. Сегодня его не было, — решил оградить подростка от неприятностей Павел Валентинович. — Он что-то натворил?

— Ничего особенного. Он мог кое-что видеть. Где он проживает?

— Не знаю, — покачал головой Верховцев.

— А фамилия у него есть?

— Я не спрашивал.

— Как так? — вздернул брови домиком полицейский.

— Он хороший помощник, и мне этого достаточно. Руки растут из нужного места, кое-что смыслит в механике. На уровне ремесленного училища, но для помощника этого более чем достаточно. Основная работа лежит на мне. И все же, он что-то натворил?

— Нет, Павел Валентинович, он ничего не натворил. Говорю же, он интересуется нас только в качестве свидетеля. А вот вы — другое дело.

— Я-а?

— Именно вы. Я получил указание от обер-полицмейстера столицы доставить вас в столичное управление. Вон даже двоих городских прислали. И потрудитесь прихватить с собой всю документацию на ваше изобретение. Кстати, это оно? — Полицейский ткнул пальцем в двигатель, пристроившийся на массивном верстаке.

— Да. Это мое изобретение, двигатель новой системы.

— Н-да. Ну, тащить его нам никто не приказывал. Пусть остается.

— Да в чем, собственно говоря, дело? — возмутился инженер.

— В точности мне неизвестно. Но, кажется, кто-то обвиняет вас в том, что вы украли его изобретение. Павел Валентинович, — предвосхищая недовольство инженера, околочный поднял руку в примирительном жесте, — я понятия не имею, что вы тут изобрели. Я просто выполняю приказ. Прошу понять меня правильно.

— Л-ладно. Если позволите, я умоюсь, и мы можем отправляться.

— Я так понимаю, к вам домой за бумагами? — уточнил Ляпов.

— Вот еще. Идти домой в сопровождении полицейских чинов.

— Но я получил приказ.

— Все чертежи, расчеты и выкладки здесь. Я как раз работал с ними.

— Ясно. Благодарю вас.

Это было последнее, что слышал Верховцев в своей жизни. Потому что в этот момент отточенный клинок вошел ему в почку, оборвав так и не родившийся вскрик.

— Это... зачем это? — испуганно выдавил из себя околочный.

— Не журишь, Игнатий Семеныч, накину тебе еще пару сотен для успокоения совести.

— Н-но-о...

— Никаких «но». Ты совершал обычный обход, а что там случилось после того, как ушел, и знать не знаешь. Все, стой в сторонке. Иван!

— Я, Петр Анисимович! — отозвался второй городской.

— Неси из пролетки адскую машинку. Детище убило своего создателя, это происходит повсеместно.

— А мальчонку искать не будем?

— Чего его искать. Мальчишка как мальчишка. Ну знает, с какой стороны за напильник держаться, так и что с того.

— Ясно.

Отправив помощника на улицу, старший подошел к рабочему столу и, не вдаваясь особо в детали, стал жечь бумаги в большом железном ведре. Он хотел быть уверенным в том, что ни одна бумажка не уцелеет, выметенная взрывом за пределы пакгауза.

Покончив с документами, напарники опрокинули две бочки с бензином, стоявшие в углу. После чего старший положил на двигатель адскую машинку, и мужчины вышли из пакгауза, заперев за собой дверь.

Взрыв и пожар случились через час. Причем полыхало так, что пламя перебросилось на соседние строения. Учитывая же то, что в этих пакгаузах размещались угольные склады, хотя и практически пустые в настоящее время, на долю пожарных выпала тяжелая работа. Согласно полицейскому заключению возгорание произошло в результате взрыва изобретения одного из арендаторов. Его останки были обнаружены в снимаемом им помещении, выгоревшем дотла.

Глава 1

ПАРЕНЬ С НЕПРОСТЫМ ХАРАКТЕРОМ

— Здравствуй, Вадик.

— Ты-ы...

— Я, конечно. А ты думал, заяву на меня оформили, так я по углам стану прятаться?

— Лучше иди своей дорогой и не усугубляй ситуацию.

— А то что? Хуже будет?

— Будет.

— Это как? Ты и твой папаша-судья еще пару лет накинете?

— Сомневаешься? — даже слегка вскинув подбородок, нагло произнес молодой человек лет двадцати пяти.

— Ничуть, — мило улыбнувшись, ответил его сверстник, высокий и крепко сбитый парень, девяносто кило живого веса без капли жира.

А потом без предисловий нанес удар ногой в голень стоявшего перед ним представителя «золотой» молодежи. Удар вышел настолько сильным, что послышался явственный треск. Вадик упал на асфальт подъездной дорожки как подкошенный и тут же огласил двор многоэтажек криком, полным боли. Хм. Похоже, нога сломана. Впрочем, плевать. Хуже уже не будет

Парень, нанесший удар, словно не замечая людей, находящихся во дворе, присел рядом с упавшим и закрыл его рот своей ладонью. При этом он держался абсолютно спокойно, словно ничего особенного и не происходит. Хотя он отчетливо видел, как две женщины сразу вскинули к уху сотовые телефоны, наверняка вызывая полицию.

Молодой паренек лет шестнадцати все снимал на видео. И помешать ему не было никакой возможности. Только если догонишь. Но это вряд ли. Очень может быть, что скоро этот ролик будет выложен в соцсетях. Плевать. Запись с мобильного, да еще и с такого расстояния. Это не доказательство, а так, недоразумение. Хотя папаша Вадика очень даже может посчитать это доказательством, да скорее всего так и сделает. Но... Петру и впрямь было плевать, плюс-минус пара лет ничего не решали.

— Прикинь, Вадик, как мне все поровну. А теперь слушай. Ты знаешь, что был не прав. Я это знаю. И все, кто там был, это знают. Хотя сейчас и дают показания против меня. Но посадить твой папаша решил меня. К сожалению, помешать по закону я ему не смогу. Завтра заседание, где будет решаться вопрос о моем аресте на время следствия. Адвокат говорит, что дело не стоит выеденного яйца, а я знаю, что завтра начнется моя долгая отсидка. Но я завтра не пойду на заседание суда. Не хочу. Конечно, меня могут поймать и накинуть срок. Но видишь ли, Вадик, тюрьма — это такое дерьмо, откуда рано или поздно выходят. А вот из могилы не встают. Понимаешь? Мне плевать, как ты будешь решать со своим папашей, но заяву ты забереешь и забудешь о моем существовании. Хотя можешь этого и не делать. Сам решай.

Петр поднялся на ноги и, отряхнув колени, посмотрел на юного папарацци. Задорно ему подмигнул и окликнул:

— Ну как картинка?

— Класс, — с наглостью человека, уверенного в своей безнаказанности, ответил паренек.

— Наверняка хорошо бегаешь?

— Да уж неплохо.

— И Саню Кривого, наверное, знаешь? Чего молчишь? Его тут все знают.

Саня Кривой был воспитанником детского дома в Ессентуках, откуда, собственно, вышел и сам Петр. Причем воспитанником он был непоседливым: ходил по грани, останавливаясь только в шаге от колонии. Хм. Не всегда, в общем-то, останавливаясь. И сколько Петр с ним ни разговаривал по этому поводу, все без толку. К тому же пока

Кривому везло. Так вот, этого оторву могли не знать лично, но слышали о нем все подростки трех микрорайонов, граничащих друг с другом.

— Ну знаю, — ответил паренек.

— Тогда сотри запись и иди своей дорогой. Я бегать за тобой не буду. Выздоровливай, Вадик, — посмотрев на лежащего на асфальте страдальца, обратился к нему Петр. А потом, подмигнув, закончил: — Надеюсь, здоровье тебе все же понадобится.

Картинно помахав ему ручкой, Петр развернулся и зашагал в сторону проезжей части улицы Октябрьской. Там на обочине была припаркована его «четырнадцатая». Не новая, при покупке даже изрядно убитая. А на другую ему и не наскрести было. Но за пару месяцев он буквально преобразил ее, превратив во вполне приличный автомобиль. Удобно все же быть хорошим автослесарем.

Пусть Петр специализировался только на российских марках, это ничего не меняло. Конечно, люди весомые и со связями у него не чинили и не обслуживали свои авто. Они все больше предпочитают иномарки, да и то стараются избавиться от них до того, как те начинают доставлять проблемы. Но заработок и российский автопром вполне обеспечивает, а еще позволяет обрасти нужными связями. Нашлись знакомые и для того, чтобы покрасить кузов, и для того, чтобы привести в порядок салон. Петру оставалось только приобрести необходимые материалы. С кем-то рассчитался, кому-то остался должен. Не беда. Случись, и он поможет. Земля — она ведь круглая.

— Иван, я требую, слышишь, требую, чтобы ты немедленно надавил на полицию! Пусть закрывают этого недоумка.

— Как Вадик? — потеряв руками лицо и взбадриваясь таким нехитрым способом, встретил жену председатель ессентукского городского суда Пяльцын Иван Родионович.

— Плохо. Очень плохо. Этот ублюдок сломал нашему мальчику большую берцовую кость, — едва не с отчаянием произнесла моложавая женщина.

— Инна, я тут вызвал к себе участкового, — наводя порядок на рабочем столе, где все и так было в порядке, заговорил Пяльцын. — Он уже лет пятнадцать обслуживает участок, где расположен детский дом, и этого Пастухова знает как облупленного.

— И что нового он тебе поведал об этом детдомовском быдле?

— Да так. Дополнил пару-тройку штрихов, которые никак не укладываются в характеристику и сухие рапорты. Понимаешь, до четырнадцати лет он был тем еще оторвой. Лез везде, где надо и не надо. Даже в разбоях участвовал. А потом как отрезало.

— Ну правильно. Пока был не субъект, куражился, а потом хвост поприжал, — как о само собой разумеющемся высказалась Инна Петровна.

— Это с одной стороны. А с другой — стал лучше учиться и не имел ни одного привода в милицию. Потом поступил в техникум, армия, работа. Через три года после дембеля он уже самостоятельно снимает цех. Причем в хорошем месте и с солидной арендной платой. Два года — и он участвует в долевом строительстве квартирного дома. То есть уже скоро у него будет собственное жилье. Не та комната в малосемейке, что ему выделило государство, а отдельная квартира.

— Ты это к чему, Ваня?

— К тому, что у парня планы на жизнь. Не удивлюсь, если и с Надей он встречался не просто так, а с намерением завести семью.

— Ты хорошо подумал? Надя и он, — презрительно бросила Инна Петровна.

— Нормально я подумал, — несколько резко отмахнулся Иван Родионович. — Парень свернул с кривой дорожки и решил подняться на ноги. И у него это получилось. Заметь, не «почти получилось». Он добился своего. Осталось только обзавестись семьей и жить-поживать да добра наживать. А тут наш оболтус, и вся жизнь псу под хвост из-за какой-то плюхи.

— Плюхи?! Да у Вадика было сотрясение головного мозга. И еще неизвестно, как это аукнется в будущем, — возмутилась женщина.

— Инна, ты меня не слышишь. Он, не скрываясь, при свидетелях, среди бела дня сломал ногу нашему сыну. Ему плевать на все. Понимаешь? Он одиннадцать лет карабкался из ямы, и тут его опять туда сбрасывают. Была бы у него семья, еще было бы о чем задуматься. А так... Ему нечего терять. А мы загнали его в угол. Ты это понимаешь своими адвокатскими мозгами? И он пойдет до конца. В этом участковый уверен.

— Ну так загони его крепко и надолго.

— Загоню. Но на пожизненное ему все одно не наскребу, и рано или поздно он выйдет.

— Ничего, посидит, оботрется, присмирееет.

— Очень сомневаюсь. И потом, наверняка он не явится на завтрашнее заседание.

— Ты боишься? Ты боишься этого ублюдка?

— Я боюсь за нашего сына. Не знаю, как ты, а я не сомневаюсь в том, что он слетел с нарезки и не остановится. Выключи материнский инстинкт и включи мозги, тогда и ты испугаешься. Или предлагаешь прятать от него Вадика?

— Ваня, но наш престиж! Все скажут, что мы испугались наезда простого детдомовского отребья.

— Ничего. Это мы переживем. Ты вот что. Кто там у тебя в адвокатской конторе самый ушлый? Вялых? Вот его на это дело и определи. Пусть разваливает.

— Ваня.

— Я ничего, никому и никогда не прощаю. Просто нужно немного обождать. Сейчас ему нечего терять. Посмотрим, как оно будет через пару-тройку лет. Так что Вялых пусть там особо не усердствует. Ну и ты знаешь, что нужно делать. Это просто отсрочка, Инна. Просто отсрочка.

— Я тебя поняла.

Вообще-то раньше ему летать как-то не доводилось. Дорогое это удовольствие, да и летать-то ему было некуда. Служил недалеко от дома, если куда и выезжал, так на мо-

ря, с друзьями и подругами. Не близко, конечно, выходит, километров под семьсот — восемьсот. Но это все больше по кругу, объезжая горы. Обещали к Олимпиаде закончить тоннель, но планы так планами и остались. А то можно было бы в Сочи ездить на выходные, просто покупаться. А что? Тут по прямой всего-то километров двести получается. Рано утром выскочил и вечером вернулся домой.

Так что этот полет был первым его опытом. И надо сказать, неудачным. Не понравилось ему летать. Разве только быстро, это да. А так сидишь несколько часов, как в автобусе, ни повернуться, ни сесть вольготно. Это тем сильнее ощущается, что он уже привык на своей машине разбегаться. Опять же, на водительском месте, со всеми удобствами. Ну и остановиться можно в любой момент.

Но больше всего его раздражала долгая посадка в автобус, а теперь еще и вот, жди свой багаж. А как без вещей-то в такую даль? Как ни крути, а почти за четыре тысячи километров от родного Кавказа забрался. Красноярск, однако. Наконец на ленте показалась его сумка. Легко подхватив ее, он направился на выход.

Едва только покинул зал прилета, как тут же увидел недовольного Васютина. Тот с явной укоризной показал свой телефон и постучал по нему указательным пальцем.

— А я при чем? — развел руками Петр. — У них там сеть почему-то не ловит.

— Ах да, есть такая беда. Ладно. Проехали. Ну что, привет, что ли, б-босота.

— Привет, б-ботан.

Они обнялись не просто как давние знакомые или друзья. Нет. Так обнимаются только родные люди. И пусть в их крови нет ничего общего, их роднила общая судьба. Или, если говорить более точно, один дом. Детский дом.

Васютин был на пять лет старше Пастухова. Сергей не раз и не два пытался воздействовать на хулиганистого мальчишку, достучаться до него. Но все без толку. Нет, в отличие от остальных, Петр никогда не подтрунивал над старшим товарищем. Мало того, он смотрел на него с немалой

долей уважения за его стремление добиться в жизни успеха. Правда, не верил в то, что это возможно.

Но Васютин удивил всех, умудрившись поступить в Красноярский университет на физический факультет. В принципе именно благодаря этому примеру Петр решил тоже добиться чего-нибудь в своей жизни. Хотя его планы простирались не так далеко. В науку он не собирался. Его вполне устроили бы крепкая семья и достаток в доме. То, чего он в свое время был лишен.

Пастухов вообще считал, что Абдулла из «Белого солнца пустыни» был совершенно прав. Хороший дом, хорошая жена. Что еще нужно, чтобы встретить старость? А ничего, по сути. Нет. Нужны еще дети и внуки. Слишком приземленно? Пусть. Ему большего не надо. Эту цель он считал по-настоящему достойной. Вот Сергей — тот нет, все мечется, хочет чего-то добиться и оставить после себя след.

— Ну, рассказывай, как там наш Кавказ, Ессентуки, — подхватывая сумку Петра и увлекая его на автостоянку, потребовал Васютин.

— Ты не поверишь. После твоего отъезда в прошлом году ничего не изменилось. Стоит, представляешь. И Эльбрус все так же двуглавый и величавый.

— Ну-у, если так, то я спокоен. Но, помимо топографии, есть еще и народонаселение. И вот тут я попросил бы остановиться поподробнее.

— Стукнул кто-то?

— Да ты и стукнул. Это что же в лесу должно было сдохнуть, чтобы ты приехал отдохнуть не на море, а ко мне. Да еще и попросился на пару месяцев. Ну что ты так на меня смотришь? Звонил я Марии Семеновне. Ты же знаешь, она за многими присматривает даже после выпуска. А ты у нее на особом счету, — забрасывая сумку на заднее сиденье подержанной «тойоты», заключил Сергей.

— А. Ну да. Я как-то и забыл, — открывая дверь машины, произнес Петр.

— Так что там случилось? Из ее рассказа ты чуть ли ни убил кого-то.

— Да не убил я. Хотя и допекли.

— Ну так рассказывай. Чего жилы тянешь?

— А нечего рассказывать, Сереж. Все вроде было нормально. Дела у меня в гору пошли. Клиентура, заработки. Как говорил мой наставник дядя Леша, любит меня железо, само в руки дается.

— Ну, это я знаю. В прошлом году навещал Эссендуки, если помнишь. Ты давай то, чего я не знаю.

— Словом, вложился я в доленое строительство, свою малосемейку — на продажу. А в квартиру, как ты понимаешь, не помешает хозяйку привести. Ну и начал перебирать, подыскивая себе варианты. Сошелся с одной, потащила меня в ресторан. А я что? С заработками нормально, могу себе позволить.

— Настолько пришлось по душе? — отрываясь от дороги и бросив взгляд на друга, поинтересовался Сергей.

— Да я и сам тогда еще не разобрался. Ну как «на слабб» меня взяла. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну вот. Сидим, культурно отдыхаем. А тут подходит какой-то чудака из деток начальников и говорит Наде, мол, зря она приперлась сюда и ему плевать, что у нее новый ухажер. Тем более такое быдло.

— Зря он это сказал, — крикнул Сергей.

— Зря, — легко согласился Петр.

— Ты ему хоть извиниться предложил?

— Предложил и был послан. Ну и приложился разок.

— Разок?

— Честно говорю. Только раз и ударил. Правда, его в больничку определили. Сотрясение головного мозга. Хотя я до сих пор не пойму, чего там трясти? Так вот, он оказался деточкой нашего председателя суда, а мамка — глава адвокатской конторы. Ну и взяли меня в оборот. Крепко взяли. Мне Юрий Иванович позвонил, участковый наш, помнишь?

— Помню, конечно.

— Так вот, звонит он мне и говорит, что дело дрянь и меня решили закрыть до суда, а там все расклады, что я поселюсь за решеткой надолго.

— Тебе это Юрий Иванович рассказал? — искренне удивился Сергей.

— А что такого? Это я, пока мне четырнадцать не стукнуло, житъя ему не давал. А потом стал примерным. Книжки стал читать.

— Ага. Фантастические боевики, — фыркнул Сергей.

— Ну и что? Книжки же.

— Дальше давай, книголюб.

— А что дальше? Пришел я к этому Вадику и сказал, что если меня посадят, то я его на тот свет спроважу.

— А чтобы он поверил?

— Ну-у... чтобы он поверил, я ему ногу сломал средь бела дня прямо у него во дворе.

— Н-да-а. Сколько раз говорил тебе, что доказывать кулаками — последнее дело, все без толку.

— Напрасно ты так, Серега. Я тебя услышал еще одиннадцать лет назад. И хорошо услышал. Просто с этими по закону не получится. Они сами этим самым законом вертят как хотят.

— Ну и как? Прониклись?

— А знаешь, прониклись, — взбодрился Петр. — И он, и родители его. Заседание суда по поводу моего ареста перенесли. А Юрий Иванович мне сказал, чтобы я пока свалил из города, благо подписку не давал. Мол, они сами все на тормозах спустят.

— И ты поверил?

— Ну, потом-то наверняка отыграются. Тут к гадалке не ходи. Это они меня сейчас в угол приперли. Но я решил свалить из родного города к Бениной маме. Да вот хотя бы в Красноярске обоснуюсь. Так что я не просто так тут, а с прицелом.

— Люди подумают, что ты сбежал.

— А пусть думают. Так и судья лицо сохранит, и мне спокойнее. И потом, я-то знаю, кто заднюю включил. На остальное плевать.

— Ну что ж, верно решил. А что тогда налегке? Подумал, не приму?

— Серега, вот мысли даже не было. Но я и впрямь только осмотреться. Оно и далеко, и какая-никакая поддержка есть. Но и там все закруглить надо. Комната в семейном общепите стоит, квартиру в скором времени введут в эксплуатацию. Вот распродамся, а будущей весной и перебираться буду. Если все нормально здесь сложится.

— Не переживай. Тебе у нас понравится.

— Угу. Понравится. Я гляжу, у вас тут процент российских машин не так уж и высок, — всматриваясь в поток транспорта, возразил Петр.

— Брось. Уж никак не ниже, чем в Эссентуках. А потом, нет предела совершенству. Постепенно разберешься и с иностранцами. Не боги горшки обжигали. Как говорил один кузнец из фильма «Формула любви»: то, что один человек собрал, другой завсегда разобрать сможет.

— Это точно, — рассмеявшись, согласился Пастухов.

Проехали центр и постепенно оказались в каком-то невзрачном районе частного сектора. Здесь местами не было даже асфальтового покрытия. А улицы... Ну село селом, что тут еще скажешь. Заросшие бурьяном пустыри и заборы. Зелень деревьев и кустов как посаженных, так и дикорастущих. А главное, избы. На Кавказе как-то все больше саманные хатки и кирпичные дома, поэтому Петру ни разу в жизни не доводилось видеть настоящих изб. Надо же, а Сергей, оказывается, живет как раз в такой.

Слегка покосившийся деревянный забор, поросший травой. Через него свисает яблоня с пока еще зелеными яблоками. Но урожай обещает быть знатным. Двор немощеный. Просто порос травой, разве что здесь ее вроде как все же выкашивают. Только две голые полосы земли, от колес машины. Да дорожка из красного кирпича с пробившейся на стыках растительностью, ведущая к крыльцу. Навеса нет, так что машина живет под открытым небом.

Еще одна красная дорожка уходит за дом. Там видны огород и хозпостройки, явно не используемые новым хозяином. А еще баня и нужник. Вот они-то как раз пользуются популярностью, потому как к ним путь и ведет. Судя по бо-

лее обильной траве, дорожкой пользуются не так часто, как ведущей к крыльцу дома.

Ну и наконец самая настоящая изба, где, собственно, и проживает заслуженный физик России. Шутка. Пока только кандидат в доктора наук. Но если вспомнить, откуда Сергей брал старт, то сразу же проникаешься к нему уважением.

— Удобства, я так понимаю, на улице. А горячая вода-то есть?

— Слушай, вот зря ты подначиваешь. И газ есть, и горячая вода, и удобства с ванной. И паровое отопление в наличии. Я печь разобрал, теперь места много, целых три комнаты. Ты не смотри, что снаружи изба избой. Внутри все как надо.

— А нужник на улице зачем?

— Так ведь в бане без пива сидеть не получается. Куда-то бегать надо. Не там же гадить.

— Логично.

— Ладно, чего стоишь? Заходи во двор. Я пока загоню машину, — открывая ворота, пригласил Сергей.

— А почему ты в частный сектор забрался? Тебе, холостяку, квартира куда больше подошла бы.

— Не подходит мне квартира. Мне простор нужен. Ну и вообще. Потом все расскажу. Опять же, институт — вон он, минут пятнадцать прогулочным шагом.

В доме и впрямь оказалось очень даже прилично. Не евроремонт, но все же. Есть и санузел, и кухня, и навесной двухконтурный котел, который и дом отапливает, и горячей водой хозяина обеспечивает. Три комнаты. Гостиная, спальня и рабочий кабинет.

Отдыхает Серега на двуспальной кровати. И зачем она, спрашивается, холостяку? Шутка, конечно. Интересно, кого он сюда водит, просто знакомых или двоечниц? Впрочем, без разницы. Главное, что устроился с комфортом.

В гостиной мебели по минимуму, диван, кресла, журнальный столик и плазма в углу. На стенах несколько картин с этюдами, над диваном висят две шашки и пара кавказских кинжалов. Пусть и детдомовский, а корни свои не

забывает и даже подчеркивает, откуда такой красавец прибыл. Даром, что ли, вот уже пять лет каждый год приезжает. Вот как встал на ноги, так и катается.

Кабинет вообще заставлен всякой всячиной. На большом рабочем столе мощный компьютер, пара ноутбуков, и тоже неслабые. А еще бумаги с какими-то записями, распечатки, чертежи. Интересно, зачем ему все это в век электроники? Сейчас даже чертить ничего не надо, все можно делать с помощью компьютера и с куда большей точностью.

Ну а вот это вообще анахронизм какой-то. И сомнительно, чтобы досталось от прежних хозяев. Никто в здравом уме не станет занимать всю стену комнаты банальной школьной доской. Вот и полочка с мелкими понизу идет, и губка в наличии. А еще под доской на полу эдакая полоска просыпавшегося мела.

— Серега, тебе доска-то зачем? — все же не выдержал Петр, окликнув друга, гремевшего посудой на кухне.

— Чтобы работать, — появившись в дверях, ответил он.

— А почему именно такая? Ну устроил бы пластиковую и пользовался бы маркерами. И чисто, и удобно.

— Знаю, — как-то глупо улыбнувшись, ответил Сергей. — Но веришь, нет, вот как со школы пошло, что мне комфортнее думается у доски с мелом в руке, так и... Считай это моим бзиком.

— Понятно. Раб привычки. А это что за конструкцию ты слепил?

Петр ткнул в странного вида раму, занявшую всю противоположную от входа стену. Провода, катушки, трансформатор, стабилизатор, еще бог весть знает что. И ко всему этому подходит весьма солидный силовой кабель. Петр припомнил, что видел на входе трехфазный счетчик. У него у самого в мастерской стоял подобный, поэтому опознал на раз.

— А это, Петр, и есть моя работа. Ну в смысле не то что работа, а...

— Да понял я. И над чем трудишься?

— Если коротко, то это будет пространственный пробой.

— То есть? В параллельные миры?

— Петя, ты бы поменьше читал фантастики. Нет никакого, даже косвенного подтверждения, что эти миры существуют. Одна голая теория. У меня все проще. Ну вот представь себе, ты идешь по дорожке, проходишь арку, и перед тобой зал, в котором имеется надпись «Выход в город, Москва». А по периметру еще несколько арок, «Минводы», «Киев», «Астана», «Нью-Йорк» и так далее. Или вообще, поднялся на десяток ступеней вверх и оказался на орбите Земли. Ты хоть представляешь себе перспективы?

— Ни хрена себе «проще», — покачал головой Петр. — И это я должен поменьше читать фантастики. А ничего, что ты тут решил построить телепорт?

— Не телепорт, а пространственный пробой. Телепорт подразумевает расщепление объекта на атомы и переброску его на определенное расстояние. Что является просто невероятной задачей. А я собираюсь просто пробить пространство на это же самое расстояние и перемещаться в образовавшемся своеобразном тоннеле целиком.

— А-а-а, ну если так, то оно конечно. Это куда легче, — со значением покачав головой и поджав губы, произнес Петр.

— Да ну тебя. Пошли на кухню. Сейчас буду кормить тебя сибирскими пельменями.

— А банькой попотчевать слабо, Кулибин?

— Кулибин был механик-изобретатель, а я физик. Разницу ощути.

— Уже ощутил. Так, а с банькой-то что?

— Не вопрос. Вот прямо сейчас и затоплю. Я сегодня полностью в твоём распоряжении. Но только... Петр, завтра ты в свободном плавании. Извини — дела. Я тебе доверенность выпишу, так что ты меня только на работу и с работы, а дальше колеса под тобой.

— А не боишься?

— Чего? Сам ломаешь, сам и починишь. Автослесарь ты или где? Ладно, я пошел, там уже вода закипела...

Красноярск понравился Петру. Чистые улицы с вполне нормальными дорогами, что в России является чуть ли не

первым показателем хорошего уровня, и обильной зеленью. Нет, недостатки, конечно, просматривались, но в общем впечатления были сугубо положительные. Правда, встречались и районы, подобные тому, где проживал Васютин. Но Петру по большому счету там делать было нечего, и он придерживался центральных улиц.

В праздном ничегонеделании и шатании по городу прошла неделя. Петр выезжал со двора с утра, завозил Сергея в университет и отправлялся по своим делам. Бродил по городу, знакомился с достопримечательностями. Даже прокатился на прогулочном катере по Енисею, выделив на эту прогулку весь день. Понравилось. Решил попробовать тур на несколько дней. Места здесь были превосходные. Леса, горные кряжи, скалистые утесы, нависающие над могучей рекой. И все это недалеко от города.

Вечерами Петр забирал Сергея из университета и привозил домой. Намекнул было ему насчет молоденьких студенток, но был не понят. Мало того, после баньки в первый день они практически и не общались. Васютин вообще был погружен в себя и говорил односложными фразами. А приезжая домой, тут же уединялся в своем кабинете.

Практически каждую ночь он засиживался едва ли не до утра, делая какие-то расчеты, расхаживая возле доски, перемазанный в мелу, как какой-то недотепа. И при этом практически ничего не замечал вокруг. Ну прямо одержимый. Иначе и не скажешь.

Наконец настал день, когда Сергей решительно устроился за рулем «тойоты» и, усадив рядом с собой Петра, отправился за покупками. Они объехали несколько магазинов и баз электротоваров, закупая различные электроприборы, в назначение которых Петр не собирался вдаваться. Он мог разобраться с электропроводкой в доме, и этого ему было вполне достаточно. Для всего остального есть специалисты.

Потом он помогал Сергею колдовать над его рамой. Кстати, они собрали точно такую же в сарае. Васютин собирался свернуть пространство между ними. Пришлось помучиться, несколько дней калибруя обе установки. Сергей даже взял отгулы в университете, а Петру пришлось отложить

тур по Енисею. Он и сам не понял, в какой момент им овладела одержимость друга. В смысле он увлекся этим настолько, что ему было абсолютно не скучно целыми днями торчать с паяльником в руках.

Понял он, и отчего основной рацион Васютина состоял из пельменей. Это было проще всего. Отварил, выпил бульончика, заел пельмешками, и снова в бой. Полноценное питание получается. Ну, практически. Зато никаких хлопот.

— И что, эта штука сработает? — с сомнением и в то же время с надеждой поинтересовался Пастухов, глядя на собранную ими конструкцию.

— Петь, даже если не сработает, это будет шаг вперед. В настоящий момент я уверен в том, что у меня получится.

— А может, стоило бы сначала собрать небольшую модель? Ну чтобы так не тратиться, — припомнив, во сколько Сергею обошлись материалы для установки, спросил Петр.

— Вот это и есть небольшая модель. Как сделать ее еще меньше, я просто не представляю.

— Ясно. А ты всегда так нерешителен перед началом испытаний?

— Перед началом опыта, Петя. Опыта. Испытывают то, что хоть как-то работает. А в нашем случае мы только ставим опыт.

— Ага. Ясно. Так ты будешь ставить опыт или как?

— Б-боюсь, — пожав плечами, вдруг выдал Васютин.

— Это передо мной обделаться, что ли? Так я с не меньшим энтузиазмом тут четыре дня разве что не на карачках ползал. И заметь, поверил в тебя.

— Вот именно, что поверил.

— Брось. Как там, через тернии — к звездам? Вот и давай, полезай в эти колючки. Врубай, Серега, гадом буду, ни одного смешка от меня ты не услышишь.

— Ну, с богом.

— Ты же неверующий.

— Петр.

— Все, молчу.

Сергей включил рубильник, подавая энергию одновременно на оба контура, как в сарае, так и на стене дома. Загудел трансформатор. Щелкнул стабилизатор, выравнивая напряжение до нужной величины. Петр буквально почувствовал, как у него зашевелились волосы на теле и на голове. Ерунда, конечно. Тут просто не могло быть такого напряжения, чтобы вызвать столь мощное электромагнитное поле. Это все нервы, и не более...

Последнее, что он помнил явственно, — это поплывшая стена дома в пределах контура. А потом... Жуткий вой, словно их захватил ураган огромной силы. Петра сорвало с места, перед глазами началась невероятная свистопляска. Окружающее его пространство завертелось в головокружительном калейдоскопе и на огромной скорости. А потом Петра приложило обо что-то головой, и он потерял сознание.

Глава 2 ПОПАДАНЕЦ ОТ СЛОВА «ПОПАЛ»

В себя Петр пришел от тугих струй воды, бивших ему в лицо. А еще от невероятного шума деревьев и раскатов грома буквально над головой. Петр сначала открыл глаза, но тут же поспешил их закрыть из-за потоков воды. Перевернулся на живот и наконец поднялся на ноги. В памяти тут же всплыло, что во время грозы нужно держаться подальше от деревьев и возвышенностей.

Однако промелькнувшая мысль вовсе не стала руководством к действию. Потому что именно в этот момент его взгляд выхватил Сергея, лежавшего под деревом, буквально в трех шагах. И то, как была повернута его голова, Петра откровенно испугало.

— Серега... Серега, ты чего?

Он опустил перед другом на колени и, помня о том, что при переломе позвоночника следует быть предельно аккуратным, не стал его тормошить. До этого ему не доводилось видеть трупы. Вот так вот у него сложилось. В том, что

сможет убить Вадика, ничуть не сомневался, передав эту уверенность и всем окружающим. Сам же ни разу не бывал на похоронах.

Вот только в том, что он сейчас смотрит на мертвого друга, Петр ни капли не сомневался. Потому что глядел в его открытые остекленевшие глаза. В глаза, в которых не было ничего живого. И все же он надеялся, что тот сейчас встрепенется и скажет, что все в порядке.

Петр приложил пальцы к сонной артерии. Ничего. Заполотно схватил запястье, нащупывая пульс. Кусая губы, приложил руку к груди. Потом разорвал рубаху Сергея и приложил ухо. Тихо. И... Васютин такой теплый, податливый, словно живой, он просто спит. Пастухов пытался обнаружить в друге признаки жизни, пока не закончилась гроза и из-за проскользнувших по небу туч не выскользнуло нестерпимо яркое летнее солнце.

Наконец, совладав с собой, он утер мокрое лицо. Бог весть, может, вместе с дождевой водой он сейчас утирал и слезы. Петр и сам не знал, плакал ли он. Жесткий неподатливый ком — тот да, засел в горле, причиняя физическую боль. А слезы... Ну как тут почувствуешь. Они ведь недаром несут с собой облегчение. Если ты мокрый с головы до ног, то и не почувствуешь, что льешь слезы. Или никогда себе в этом не признаешься, если с детства знаешь одну простую истину: слезами горю не поможешь.

Петр осмотрелся по сторонам, пытаясь сообразить, что же с ними все же произошло. Открывшаяся взору картина говорила о том, что Васютин добился успеха. Его гибель явилась его же звездным часом. Он все же смог создать свой пространственный пробой.

Отчего такие мысли? А на что еще может указывать то обстоятельство, что друзья оказались неизвестно где, посреди леса? Тогда как совсем недавно находились в доме физика. Тело Сергея еще не успело остыть, значит, случилось все это недавно. Косвенным подтверждением служили и разбросанные вокруг предметы из кабинета Васютина.

Метрах в тридцати видны осколки монитора, разлетевшегося вдребезги от столкновения с высокой сосной. Чуть

ближе и с минимальными повреждениями валяется принтер. Несколько листов бумаги запутались в ветвях и иголках деревьев. Системный блок в весьма плачевном состоянии. Его словно бритвой разрезали на две неравные части. Меньшая из них оказалась здесь, а большая осталась с той стороны портала.

Ничего удивительного в том, что Сергей в чем-то ошибся. Контур должен был сработать на другой контур в сарае, но вместо этого сфокусировался на какую-то другую, более дальнюю точку. Причем расположенную на внушительном расстоянии, потому что ни о какой грозе в сводках погоды не было и слова, наоборот, всю неделю обещали солнечную погоду. А вот тут оказалась гроза, низкое давление, и как результат — их сюда попросту засосало.

Скорее всего в тот момент, когда снесло системный блок и вырвало провод питания, контуром управлять стало некому, и портал схлопнулся. Отсюда и бритвенный срез как на корпусе, так и на внутренних потрохах системника, не успевшего проскочить через портал.

Н-да-а. Все же правы были те фантасты, что указывали на неизменную разность давления по обе стороны портала и на необходимость эту разность как-то компенсировать. Интересно, если бы дверь была закрыта, произошло бы то же самое? Хм. Скорее да, чем нет. Сомнительно, чтобы комнатная дверь или остекление окон могли противостоять тому урагану, что поднялся в кабинете.

Остается непонятным, отчего это не учел Сергей и сам Петр, прочитавший десятки книжек про разного рода попаданцев, путешественников между мирами и про использование самых разнообразных порталов. Графоманы? Ну да. Доморощенные фантасты и пупы земли. Но ведь рациональные идеи, имеющие право на жизнь, вовсе не редкость на страницах этих книжек.

Да все просто. Друзья и помыслить не могли, что подобное вообще возможно. Это же был первый опыт Васютина. Первый! И потом, их цель была в трех метрах, в сарае напротив дома.

Эх Серега, Серега, гениальная башка. Что же ты наделал-то.

Ну и как теперь быть? В смысле — с телом Васютина. Его же нужно властям представить. Следствие, все дела, да и похоронить по-людски надо. Хм. А вот интересно, власти-то эти будут российские? Ну и что с того, что лес стоит очень даже родной, насколько успел рассмотреть Петр. Он, конечно, за границей не бывал, но читал, что в той же Канаде и на Аляске вроде как все очень даже схоже с Сибирью. Да и «Гугл» это подтверждает, тот, который «Планета Земля». Во всяком случае, на снимках много общего.

А что такого? Кто его знает, на какое расстояние пробил пространство Васютин в своем эксперименте. Или в опыте. Да какой, к ляду, опыт, когда такой результат, да еще и с первого раза. Вот так, считай, наугад ткнул пальцем и попал. Н-да. Еще как попал.

Осмотреться бы. Петр повел взглядом вокруг, пытаюсь сориентироваться на местности. Ему бы сейчас какую-нибудь скалу, холм или гору повыше. Подъем вроде как в западную сторону, да больно уж пологий, кто его знает, куда выведет. Над деревьями бы подняться.

Ага. А вот и то, что нужно. Лес тут смешанный, лиственные преобладают, но заметны и сосны. Только на них поди еще заберись, потому что на десяток метров от земли нет ни одной веточки. А те деревья, где ветки есть, невысокие и для обзора местности не годятся. Другое дело ель. У нее лапы от самой земли и до макушки. Только бы не забыть, что дерево это достаточно ломкое, а в Петре хотя и нет жира, но весу под девяносто кило.

Впрочем, волновался он напрасно. На высоту добрых метров двадцать от земли он поднялся без труда. Этого было достаточно, чтобы оказаться над зеленым ковром крон деревьев, сбегаящих вниз со склона холма. Подниматься выше не имело смысла. Увиденное вполне ответило на все его вопросы. Почти на все. Вернее, на часть. На некоторые. Хм. Вообще-то только на один. Где он находится?

А находился Петр в Красноярске. Во всяком случае, на это указывали река и видимые на ней острова. Их конфигу-

рация мало изменилась, хотя и отличалась от той, которую он видел. Сам город усох раз эдак... Хорошо усох, чего уж там. Конкретно.

Вон железная дорога, мост. До них больше двух километров. А вон и поезд. Здравствуй, попа, Новый год. Вагоны вроде как знакомые, хотя с такого расстояния особо и не рассмотришь. Но зато отчетливо видно, что состав из полутора десятков вагонов тянет паровоз. Откуда такая уверенность? А догадайтесь.

Видна железнодорожная станция, на которой стоит другой состав, в голове попыхивает паровоз. Стоит во встречном направлении к составу, уже втягивающемуся на мост. Либо у них тут одна нитка и на станции они разъезжаются, либо у того остановка согласно графику движения. На запасных путях маневровый паровоз толкает несколько вагонов.

Напротив станции жилой массив частного сектора. Кварталы застроены несимметричной буквой «П», ближняя к Петру палка и перекладина уже и короче той, что располагается со стороны станции. Между ними пустырь, поросший кустами и деревьями.

Слева, чуть выше и дальше от реки, еще один жилой массив. Но там несколько кварталов образуют практически правильный прямоугольник.

Дальше на восток — собственно город. Так называемый исторический центр. В смысле Петр знал его как исторический центр. А здесь и сейчас это просто город. Эти же два отдельных поселка, наверное, слободки. Ну, это если он в прошлом и здесь Россия. А то мало ли как оно все обернется.

За северо-восточной окраиной есть еще один поселок. Но там ничего не рассмотришь. Только угадываются несколько домишек, остальное скрывается за деревьями. Зато видна церковь. До нее километров шесть. Это от того места, где Петр сейчас сидит.

Вообще город в длину растянулся по левому берегу километров на шесть, в ширину не более двух. Не такой уж и большой. Да его родные Эссентуки куда больше будут.

А учитывая то, что в них населения восемьдесят тысяч, здесь хорошо если тридцать наберется.

Итак, Васютин создал не пространственный пробой, а банальную машину времени. Ну или открыл проход в параллельный мир. То есть туда, в существование чего не верил и что отрицал напрочь. А вот Петру, чем бы это место не оказалось, придется связать себя с ним раз и надолго.

Н-да. На всю оставшуюся жизнь, и тут без вариантов. Пусть часть системного блока осталась там, в прошлом, или в его мире, другая часть с тремя четвертями жесткого диска, находится здесь. Все бумажные записи засосало сюда же. Возможно, Васютин и вел какие-то резервные записи. Но... Угу. Попаданец — это от слова «попал». Конкретно. Исходить нужно из худшего варианта.

Петру было страшно и горько как никогда. Он оказался неизвестно где и потерял самого близкого для себя человека. И пусть Сергей был старше его и в детдоме они практически не общались, это ничего не значило. В какой-то момент они сблизились, и это оставалось с ними до сегодняшнего дня.

Но это только одна сторона медали. Потому что вместе со страхом и горечью Петра с головой захватила перспектива влезть в шкуру попаданца, о которых он прочитал столько книжек. Да что там влезть, он уже в ней. Перед ним незнакомый мир и огромные перспективы. Ну, коль скоро здесь бегают паровозы, а по рекам ходят пароходы (заметил он такой, уже когда начал спускаться с ели), то получается, что Пастухов — из более развитого мира. Нет, он, конечно, не семи пядей во лбу. Но все же кое-что преподнести аборигенам сможет.

Петра буквально колотило от желания как можно быстрее спуститься в город, пройтись по улицам, посмотреть, что к чему. Услышать и увидеть людей из седой старины. А судя по всему, их отделяет друг от друга лет сто, если не больше.

Когда запустили Транссибирскую магистраль? Вроде в девятьсот пятом уже была. Но ведь это может быть и не она, или ее еще не закончили. Нитка-то, похоже, одна. А пока

шла русско-японская война, запустили вторую нитку. Петр не особо интересовался обычной историей, но читал книжки на тему альтернативной истории. А там хочешь не хочешь, а глянешь, как оно было на самом деле. Другое дело, что с этим инетом мало что задерживается в голове.

В любом случае Петру хотелось как можно быстрее покинуть это место и окунуться в новую для него реальность. Аж зуд какой-то появился, по позвоночнику то и дело пробегали мурашки, под ложечкой возникал холодок, а руки тряслись самым натуральным образом.

Вот только просто так уйти он не мог. Взгляд на труп друга вернул Петра к действительности. Нетерпение, ожидание чего-то нового и неизведанного — это все понятно. Просто начинается все как-то не очень. И вновь в горле встал ком, который никак не удавалось проглотить.

Вырыть глубокую могилу с помощью железяки, оторванной от останков системника, не получилось. Грунт оказался достаточно каменистым, и уже через какие-то полметра пробиться сквозь него с куском гнущейся жестянки было нереально. Пришлось закапывать так. Зато вокруг в изобилии имелись камни, ими и закидал холмик. Над которым установил крест, скрутив его с помощью проводов из двух палок. Серега, он, конечно, был неверующий. Но это его трудности. А Петр не установить над могилой крест не мог.

Когда закончил, решил все же обойти кругом. Вспомнил о том, что у Сергея была пара ноутбуков. Их также должно было засосать сюда. Поиски оказались удачными. Ноутбуки Петр нашел, ориентируясь по останкам монитора. Вот только оба они оказались разбиты. Может, человек знающий и мог бы из пары собрать один. Но это точно не про Петра. Сохранить для грядущих поколений?

Петр попросту выбросил ноутбуки в ручей. Он не фетишист цепляться за прошлое из последних сил. Нет, со своим миром он еще окончательно не порвал. Но все изменилось, когда обнаружили оба ноутбука. Пока была надежда, что хотя бы один из них остался в доме Сергея, была надежда и на то, что там окажутся резервные записи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Парень с непростым характером	11
<i>Глава 2.</i> Попаданец от слова «попал»	26
<i>Глава 3.</i> И все же параллельный мир	50
<i>Глава 4.</i> На всякого хитреца...	83
<i>Глава 5.</i> Беглые каторжники	107
<i>Глава 6.</i> Новая халтура	140
<i>Глава 7.</i> Неожиданная находка	173
<i>Глава 8.</i> Вольный прииск	206
<i>Глава 9.</i> Верное место	234
<i>Глава 10.</i> Двойной капкан	259
<i>Глава 11.</i> Пригнись, столица, Сибирь гуляет!	285